

ДНЕВНИК
ВАСИ
БАРАНОВА

Свой дневник - стопку прошнурованных верёвкой и перелицованных бланков расписания грузовых поездов - остарбайтер Вася Баранов из деревни Меременовка Стародубского района тогда Орловской, а ныне Брянской области начал вести через два дня после прибытия в немецкий Дрезден. В Белостоке, куда доехали в соседних товарных вагонах, его разлучили с любимой девушкой Олей, семиклассницей из соседней деревни. Временами казалось, что разлучили навсегда: жизнь висела на волоске...

«Сколько ещё месяцев могу я выжить в такой неволе?» - писал Вася. Пытался бежать - неудачно. «Шли снова в завод, я изнемог, чувствуя, что не выживу, ноги мои подкашиваются, в голове стучит. До чего же я не хочу умирать голодной смертью... Вчера умер Гай, его куда-то отправили на машине. Неужели и я умру так?» Записи Васе приходилось прятать: на дне чемодана под подкладкой, в щели у нар... «Да, рисковал я, и не за счёт смелости, а, скорее всего, по беспечности. Но дневник я ценил. Он мне был талисманом. За ним я бросался в горящий барак», - рассказывал Василий Максимович потом в книге П. Поляна и Н. Поболя «Нам запретили белый свет...», где дневник впервые был опубликован.

Оле в нём посвящены такие строки: «Давно душа просится на волю, И сердце пылкое давно хочет любить, Я полюбил одну девчонку Олю, Да и теперь приходится забыть». А дальше никак не могу связать в рифму, не варит голова, да и любил я её, но неудачно кончил. Она меня сочла за неудачника и глупца. Да, она права. Она во многом права... Неужели она тоже так же страдает?.. Воспоминания ещё хуже дают сердце». В Германии Вася Баранов смог найти следы своей Оли, до седьмого пота трудившейся на авиазаводе: она получила от него 2 письма, которые хранит до сих пор.

Они пронесли свою любовь сквозь два с половиной года разлуки, бессильного бытия на чужой земле. Поженились спустя год после возвращения в Стародуб. Родили сына и дочь. Василий Максимович выучился играть на кларнете и преподавал всю жизнь в музыкальной школе города Брянска, Ольга Тимофеевна учила русскому языку и литературе. «Жизнь прожили хорошую, любили друг друга...» - рассказывает сейчас, уже оставшись в одиночестве, она. Свой дневник её муж берёг и перечитывал до самой смерти. «Открывает, читает его - и плачет... Ведь это настоящая жизнь!»

1943

Утром, часов в 9, наш вагон телятник со всех сторон был открыт. И я проснулся от сильного солнечного луча, погода была настояще замечательная. Сразу мы узнали, что уже прибыли в г. Дрезден. После долгой канители нас построили всех с вещами, и три конвоира повели по улицам большого Дрездена. (...) Через час после обеда нас построили и разбили на 3 части, затем отобрали специалистов, которых оказалось совсем мало. Немцы бегали, кричали, устанавливая порядок, и наконец к нашей 3 части подошел немец и перевел, что мы поедем совсем в другой город по имени Лейпциг. Таким образом мы в количестве 91 человек электровозом, вечером были уже на главной станции, купол которой напоминает купола нашей Мериновской церкви. Вокзал показался мне непроходимым, так как снизу и верху шли бесконечные люди (немцы). Здесь можно было не идя в цирк или музей насмотреться все новыми и новыми отдельными видами, например: виды скульптуры, рисунками, обажурами люстр, самими немцами, их одежда и пр. и т. п. А между тем какое-то отвращение появилось к ним, что я не мог, чтобы хорошо сосредоточить свой внимательный взгляд на их физиономии лица то потому, что я уже их понял и они показали себя. Вдруг под нас подогнали какой-то большущий трактор на резиновых больших катках с большим прицепом, куда все погрузили вещи и половина нас села на вещи и уехала. И возле одного угольного 2-х этажного дома выгрузилась. Было уже часов 11 вечера, когда нас разместили на 2 этаже дав каждому койку, матрац, одеяло, спать ужасно хотелось.

Наконец, нас проверили всех 91 человек и один солидный мужчина по национальности украинец со Львова нам объявил спать. До этого тщательно проверяли, чтобы каждый побыл под краном и раздевшись до белья, все были грязные, оборванные, разутые, словно стадо овец, вырвавшееся из-под волчьей пасти. 2-м из нас попало по мордам, и я уснул, сжав зубы до боли.

После обеда ходили в баню под дигазацию.

6 сентября, понедельник. Рано утром все отдавали вчера написанные пост-карточки, на которых большим шрифтом написано: «Кто видел Германию, тот должен ее любить». Как это было противно и неправда. Смогу ли я ее полюбить? Нет, никогда. Среди нас начались заболевания. Против моего стола работал один высокий белый парень по фамилии Стрельский. Он абсолютно ничего не делал, а облокотясь на стол плакал от головной боли. Немцы мастера не верили ему, водили его в [мед.

часть], узнавали температуру, давали пилюли, но ничего не помогало, его били по лицу. Мне было так жалко, что кажется вот-вот решусь бросить в идиота напильником. Тоже было и с остальными больными. Теперь я понял, что мы русские настоящие рабы для немцев. (...)

8, 9, 10 сентября. (...) Сколько еще месяцев могу я выжить в такой неволе? Ноги уже подкашиваются от ежедневного стояния так как сесть не разрешают, за что бьют по лицу. Нет, надо убежать, решил я. И я решил подговорить Комиссара, так как он паренек смелый и притом говорит по-немецки. На мое приглашение он согласился и мы решили в воскресенье уйти на станцию узнать эшелон отправляющийся в Польшу, забраться в уголь и ехать до тех пор, сколько хватит терпения.

11 сентября, суббота. Сегодня как-то лучше на душе так как завтра воскресенье, может быть пустят за город, и при всякой возможности буду стараться убежать. Ведь чего бояться, тем более, что Комиссар может разговаривать по-немецки. Но только плохо, что у нас нет уже продуктов, но это не важно, так как поездом мы долго ехать не будем, нам бы проехать Польшу, так как поляки если обнаружат русского, то сразу выдают. Но я думаю мы будем терпеть до тех пор пока не приедем на Украину, а ведь человек может быть не жравши около 2 недель, а нам лишь бы полуживым добраться.

Кончив работу в 1 ч. шли в лагерь, там мыли шкафы, стирали, готовились к завтраму. Я наготовил все хорошее одеть и взял сумку. Вечером дали 15 сигарет. (...)

17, 18, 19 сентября, воскресенье. Ходили настояще голодные. Кражи совершаются каждый день, воров не обнаруживают. Паек с каждым днем хуже. Выдали за неделю по 15 сигарет и 60 пфеннигов. Воскресенья день проходит очень быстро. Тогда появляются два чувства. Первое чувство радости, что выходной день, могу встретить кое-кого из русских старых ребят, а в особенности девчат. Другое чувство - это раздражение, особенно поговоришь с недалеким земляком км 300-500, то расстраиваешься до душевной боли, мне кажется, что я заболел чахоткой или что-нибудь получится с сердцем. Лучше всего поговорить с девушкой - особенно русской, ведь у женщины не такой выносливый организм потому что, как пишут в романах, что женщин больше умирало и травилось от любви, чем мужчин. Но все равно как те, так и другие которые живут здесь год или полтора отвечают одним и тем же, что ж поживешь привыкнешь, жить хочешь - надо жить, умереть раз

Нашивка на груди, номер вместо имени в немецких циркулярах - 2,5 года Вася Баранов из русской деревни Мереновка был немецким рабом, недочеловеком, «руссиш швайн», как называли его и тысячи таких, как он, немецкие бюргеры...

А после возвращения из Германии домой выучился играть на кларнете и всю жизнь посвятил искусству.

И любимой девочке Оле, прошедшей тот же немецкий ад.

Фото на странице - из личного архива П. Поляна.

плюнуть, а жизнь дорога. Сегодня выходной день, все ушли в город за исключением штрафников. Я продал 10 сигарет за 1 марку и печеной картошки одному днепропетровскому, который работает уже 1 год на станции рабочим-железнодорожником. Найдя Комиссара пошли на одну небольшую товарную станцию. Я одел 2-е брюк, две рубахи, пиджак, сапоги, взял сумку. На листке отправления вагона было написано - на Львов и мы залезли между ящиками и ждали пока не пойдет поезд. И наконец вечером поезд тронул, мы были сильно обрадованы, но вдруг по закату солнца мы определили, что едем на запад. Может быть он делает разворот, подумали мы и так мы проехали с полчаса. Мы с отчаянием выпрыгнули на одной маленькой станции, где не было близко немцев. Железнодорожники пробирались мимо вагонов, нас заметил один железнодорожник. Деваться было некуда. Так как сзади нас везде были немцы, он нас повел в железнодорожную будку и приказал одному старичку посмотреть нас. В это время зазвонил телефон, старик пошел слушать, а мы как воробьи - кто куда. Идя через местечко, мы встретили западного украинца, который ехал на лошадях баурских. Он нам сказал, что до Лейпцига 17 км. Было уже часов 10 вечера. Мы решили во что бы то ни стало добраться до своего лагеря. (...)

23 сентября, четверг. Дожди льют бесконечно, хотя на тротуаре не мокро, но до чего тяжелые эти проклятые кандалы. Скоро будет месяц как я их одел, но все еще никак не могу привыкнуть да и не привыкну. Не приучат меня эти идиоты к такому варварскому режиму. Они стараются ввести между нами рознь отчего получаются целые истории. Драки за гнилую капусту и гнилой с червями салат. Я часто успокаиваю ребят и немало мене сочувствует. В обед стали лезть за добавком. Полька со всего размаха бахнула одного белоруса по голове половником. Тот облитый кровью повис на лезущих. Немцы и поляки видя такую картину злобно смеялись называя нас свиньями, потом стали разгонять на работу. Один русский получил 4 картошины на поддельный талон, его избили до полусмерти. Работать он не мог, его бесконечно били по лицу, словно хотели оживить или совсем прибить. (...)

24, пятница, 25, суббота. Все собираются бежать с Германии, много рассказывали о прошлом, о настоящем, и что нас ожидает будущее, многие плакали на постели. Сердце мое разрывается на 5 частей. Читали газеты, откуда узнали что наша местность снова забрана русскими, что немцы начинают бежать от самого Сталинграда. Как приятно

вдруг стало на душе. Ребята! если бы мы сейчас попали на родину, и притом на фронт, мы бы этих варваров душами перегрызли, а не только оружием. (...)

26, воскресенье. С утра был дождь, завтрак принесли в лагерь, обедать ходили в завод, в 6 часов пустили в город, виделся с земляком Понудовского р-на Иванцовым Петром. Беседовали с ним на тему побега, он уверял что удрать абсолютно нельзя! Что он удирал 2 раза и все напрасно, а только подорвал свое здоровье, правда он человек на мой взгляд не глупый, кое в чем разбирается, знает хорошо немецкий обычай так как живет уже 1 1/2 года. Одет он прилично. Говорит, что живет очень плохо, но почему же он духом такой сильный. Вот это меня еще больше убивало. И вообще все старые сильны духом. Моя же душа протухла семь раз, прокисла от бесконечных волнений и мыслей. До чего же дорог мне этот земляк - никого в жизни я так не ценил, ни отца, ни мать как в настоящий день этого дружка. Итак, снова я за замком в лагере. (...)

3 октября, воскресенье.

Давно душа просится на волю
И сердце пылкое давно хочет любить
Я полюбил одну девчонку Олю
Да и теперь приходится забыть.

А дальше никак не могу связать в рифму, не варит голова, да и любил я ее, но неудачно кончил. Она меня сочла за неудачника и глупца. Да, она права. Она во многом права. Во-первых я неудачник, в том что страдаю вот здесь, 2 - может быть даже и врежу, хотя я пользы Германии еще не сделал ни на копейку. Потому, что я еще в школе слесарил. Но во всяком случае мелкая помощь и то что-то стоит, например, погрузка балок лома железа, да я неудачник, а отсюда вытекает, что я глупец. Неужели она тоже также страдает? Она уехала с Белостока поперед меня и наверняка с Мериновскими девушками. Воспоминания еще хуже давят сердце. (...)

16 октября, суббота. Почти вся смена сорвалась в город и бродили часов до 10 утра. В пол 12 ч. надо было идти на завод. Как всегда по старому приказу Карбота (поляка) мы должны были по-собачьи бежать вниз и строиться. Кто не успел уложиться в 1 минуту, снова всех заставляли взбираться на второй этаж и бежать. Сегодня он особенно злой за то, что удирали в город и издевался так что многие уже не могли бежать совсем, им же и попадало от него. Это просто издевательство явное, ему

самому это интересно. Этот человек дошел до настоящего зверя. Обедали шпинатом. Мне удалось купить у одного токаря 1 кг хлеба за 8 марок, но правда хлеб не немецкий, хороший, а с какой-то примесью. Поэтому я сегодня чувствую веселей в желудке. Соли поел с пол кг. Почему-то все стали по многу употреблять соли, хорошо что соли у этих идиотов полно везде. Хотя говорят, что ее употреблять очень вредно. (...)

21 октября, четверг. (...) Жутко и печально на сердце. Я ругаю себя, что я такой сонный, не энергичный. Клянусь свое поведение и свой характер. За это время как будто бы я заболел ленивой болезнью. За день от меня не услышишь ни одного слова. Да и слова мои были не связны и неуклюжи. Все для меня холодно и неупросимы. Жить становятся невыносимо, но умирать без всякого всего не хотелось. Нет. Выжду момент и умру с треском. (...)

27 октября, среда. (...) Ребята поговаривали об общем побеге из лагеря. Говорили о том, что вчера удрали Куликов и Масленников. Мастера о них уже спрашивали, но поляк еще точно не знает о их побеге. Я тоже был за то, чтобы совершить общий побег. Хотя и большую часть поймают, зато единицам будет легче удрать. (...)

30 октября, суббота. Хотя первая смена сегодня работает до 1 часа, но на кухне придется до 3 часов. Ходили за бураками. Работая на кухне, мне еще лучше пришлось увидеть лица этих ненавистных поляков. Отдельные русские тоже были настоящие идиотики. Они ради своего существования готовы продать человека. Один белорус могилевский за то что ему улыбнется облизать котел, предал своего же белоруса Вавилова, которому попало по заслугам от поляка. Вечером он первой смене не давал ничего варить, требуя за это сигареты, хотя ему дали 3 штуки, но его это не устраивало. Гам стоит на весь барак, кто жалуется на то, что сперли бурак, кто ругается, очисток на столах целых вагон, в саду, в спальне ноют больные, внизу у котла едят и спорят. Ну и жизнь, трудно представить тому, кто умер раньше меня.

31 октября, воскресенье. (...) Идя в лагерь видел Иванцова, который искал ту девушку, которая в воскресенье давала ему книгу «Анна Каренина». Вечером с Гуртовцом ходил в соседний лагерь, там играла гармошка. Войдя, увидел танцующих девушек. Танцевали вальс. Сердце мое сжалось. Кругом были стулья, на одной половине были полки и столы. Это помещение давало знать, что живет здесь много нашего брата. Посреди играл гармонист. Рядом маленький барабан на стуле и

большой с тарелками, по которым кое-когда бил один угрюмый парень. После вальса он запел песню о Москве и еще кое-какие о Сов. Союзе. В моих глазах открылся новый мир. Мне казалось, что это ангельская жизнь, я окунулся в новый мир, до чего же есть счастливицы на земле! Я сыграл 2 танца - краковяк и тустеп. (...)

7 ноября, воскресенье. Да здравствует Россия. Смерть фашистам и полякам. Проснулся рано и долго лежал на койке. Погода мгlistая. С самого утра в бараке было тихо, кое-где поговаривали между собой, а больше молча лежали и каждый думал о чем-то, но о чем догадаться не трудно... После «сбюрки» пошли на обед. Идя иногда тихо запевали советские песни, но все равно чувствовалось мертво. Словно и не праздник, никто не мог радоваться, все впали в уныние. Но что же делать? Никто не мог ответить. И я думаю ни один бы гений будучи вот сейчас на моем или на ряде ребят месте не ответил бы. Все надежды рухнули. Остается только сдаться судьбе, хотя еще все-таки держишься. Поев несоленой капусты вернулись в лагерь под замок. Печаль перегрызла жилы. Долго царило молчание, только слышно как коросливые белорусы дерут свое тело. Ужас царит во всем моем существе. Я несколько раз принимался писать, но ничего не клеится, начинал читать, тоже не идет. Я пошел к Голушко Петру. С ним я решил поделиться, он все-таки парень неглупый и мы решили отделаться от мыслей песней. Первая была песня «Утро красит нежным светом...». Нас подхватил весь барак, гаркнули все 90 голосов. Третью же песню пел я и еще полторы калеки. Снова все замерли. Многие храпели. Уже начинало темнеть. Можно ли еще другому человеку живущему в самых тяжелых условиях, но в другой части света представить вот настоящее мое душевное состояние. (...)

11 ноября, четверг. Шел дождь весь день. Сидели в лагере взаперти. Идут слухи, что было совещание воинствующих государств, на котором заставляли Германию сдать оккупированные страны. Всякая малейшая новость заставляет радоваться, тем более такая. От нее все в восторге. Ведь если бы мы вернулись в Россию, ведь о наших мучениях небось там уже знают. На нас бы смотрели как на чудо-людей. Но без мести к палачам обойтись нельзя. В пол 4 часа пришли в завод, а в 4 ч. загудела сирена. Прибежали в лагерьный подвал, за время бега я так устал, что еле жив остался, кандалы мои стали мне не под силу. Минут через 10 тревога кончилась. Шли снова в завод, я изнемог, чувствуя, что не выживу, ноги мои подкашиваются, в голове стучит. До чего же я не хочу умирать

голодной смертью, хотя бы укусить хорошо поляка. Вчера умер Гай, его куда-то отправили на машине. Неужели и я умру так? (...)

13 ноября, суббота. Бесконечный дождь. Лагерь до 3 ч. был на замке. Короста или чесотка охватила большую половину лагеря. Редко у кого нет ее. Шмавганец так ею изуродован, что непохож на человека, рядом с ним Кругликов и Васильев, а также и другие белорусы. Они так воняют, что к ихнему углу страшно подходить. Их отгораживают от умывальника, стола и прочих вещей. Васильев сегодня весь день бредит, очень больной. Придя в завод работали по-прежнему, ворота завода были закрыты, но ребята вылезли в пробоину за электросваркой. Один из них зашухарился, за что получил трепку от очкастого немца. Двенадцати-часовой рабочий день надоедает, спать ужасно хочется. Собирались в уборной и разговаривали. Я рассказал Горького «Мои университеты». Но вот нас хватился Карбот и как воробьев разогнал.

14 ноября, воскресенье. До обеда шел сильный дождь. После обеда метель. К лагерю приходил один земляк, который сказал, что по всем русским лагерям паек сократили, так как часть Украины немцы уже сдали нашим, а своего хлеба у них не хватает и на полгода самим. Немцы уже пишут, что отбивают натиск противника на Дону, Волге и особенно в Сталинграде. Япония заключила мир с Китаем. Перед вечером встретил ту же украинку. Она была очень плохо одета, вернее легко, ей было холодно. Я сбегал в барак и выбросил в окно ей свое женское пальто, она была так рада, что не знала как меня благодарить и обещалась меня отблагодарить чем либо. Я ничего с ней не хотел, потому что она живет не лучше. Пальто ей шло, как будто шито на нее. Кое кто из ребят догадались, что пальто мое, но я делал вид, что не мое. Придя в барак я лег на койку и долго читал «Петра I». Ночью видел во сне Сталина, который сказал, что скоро кончится война, он был в красноармейской шинели и с ружьем в руке, когда я сказал, что и я пойду с тобой, то он мне запретил, а когда он ушел, то я переживал за то, что не ушел за ним. (...)

16 ноября, вторник. Сегодня особенно чувствую слабость. Кандалы мне показались настолько тяжелы, что я их тянул не поднимая ног. Если еще хороших пару ударов, то я уже не выживу. Вспоминаю Пушкина «На большой мне знать дороге умереть Господь сулил». Когда я посмотрел в зеркало, то я так был непохож сам на себя, что удивительно стало. Белый как снег, голова клином, глаза дикие где-то далеко запрятаны, нос чудовищный сухой, зубы желтые, волос нет, лицо заросшее. На вид

лет 45-50 мужчина, который замучен неволей. Вот как вырабатывают человека за каких нибудь 2 1/2 месяца. Эх! мамочка родная, посмотрела бы ты на меня сейчас. До чего довели фашисты и их приспешники-исполнители звери-поляки. (...)

19 ноября, пятница. Настал тот день, когда нам сказали приготовиться. Из стародубцев остается Дрозд, Голушко и Хотеев. В заводе поздавали все казенные вещи, только одни лишь кандалы закреплялись навечно. Дали всем по 1 м. 44 пф., отобрали аусвайсы. Потом шли в лагерь и производили уборку. После ждали особого распоряжения. Часа в 3 пришли два господина. Поляк сказал, что это будущие наши каты - комендант лагеря и переводчик. С ними мы шли км два. Сели в особый трамвай и прибыли на место назначения. Перед собой я увидел чудную картину. Вокруг не было ни города, ни построек, ни домов. Правда, уже было темно. Сквозь темноту виднелись голые бараки, напоминающие Белостоковские. Вокруг поле и только. Движение трамвая заставило поверить, что здесь есть люди. Впотьмах мы подошли к ограде - большущей проволоке в несколько рядов, полицей с ружьем в руке пропустил нас, мне стало жутко, мне казалось, что я уже отсюда не ходок. Всех нас 76 человек ввели в длинный коридор барака по обе стороны которого расположение комнат. По разговору определил, что здесь и русские и украинцы. Они на нас смотрели с презрением и бросали укор, что мол «еще все с котомками тягаются, вот поживете так узнаете!..» Еще когда мы подходили к лагерю то свист и топот напоминал чертей в аду, как я когда-то представлял от бабушкиных сказок, но теперь он еще усилился, словно стрелка реастата находилась на самом полюсе предела. При распределении мест мы, стародубцы, держались вместе. 12 мест не хватило, поэтому пришлось спать по двое на койке. (...) По рассказам я узнал, что здесь очень воруют и лагерь этот называется штрафной, сюда ссылают всех провинившихся города Лейпцига. От города мы находимся в 4 км. В лагере находится около 3000 человек. Следуя за девушкой, я получил суп. Люди, как муравьи, бегали туда и обратно с мисками и то и дело кричали «держитесь правой стороны», ругаются самым жестоким матом. «Держитесь правой стороной е... м... - а то миску вылью на голову...» Все здешние люди были озверелые и вовсе не похожи на тех русских людей, которых я знал в России. (...)

23 ноября, вторник. (...) Сегодня дали мне номер на шею 25795. (...)

25 ноября, четверг. В лагерь пригнали из завода в седьмом часу. Лагерь

находился близко, метров 300. Между лагерем и заводом бомбоубежища земляные. Рядом с русским лагерем на другой стороне бельгийский лагерь, дальше французский, а там бесконечное поле и только далеко виднелся Лейпциг. Получив суп-брюкву я уснул. Меня разбудил дружок, чтобы идти воровать брюкву. Я спер 2 маленьких, полицейай сильно ударил 2 раза по щеке. Вечером пошли на завод, мастера не было, поляк дал оттачивать мне бляхи, а потом надувал котки, поляк все время подгонял, потом подсчитал котки, ругался, говоря, что он мне морду разобьет. Я ему сообщил, что мне жизнь не мила и в таком случае я его могу убить, он немного испугался меня. Он сказал, что скажет мастеру, что я не работаю, я же почти 2 часа сидел пока не согнал меня какой-то немец. Поляк ему пожаловался. От немца получил по лицу, но поляк долго не подходил ко мне боясь смерти.

Разгружали брюкву и мне удалось стащить одну. За последнее время мне везет в воровстве. Я очень научился искусно воровать. (...)

28 ноября 43 г., воскресенье. Воровство было для меня главной заботой. Чтобы то ни было, но надо стащить. Ибо смерть уже ходит по пятам. Во 2-й комнате умер вчера парень, Володькин земляк. Случаи голодной смерти здесь уже не новости. Зато есть ребята которые живут хорошо, но их из 3-х тысяч меньше десяти человек. Они как бандиты в ночное время ходят на промыслы. Хотя опасно, зато денежно. Я же не таков. Труднодоступные вещи я не могу их никак сбыть, хотя это вполне возможно. Сегодня ребята открыли парикмахерскую. Я тоже подстригся. Стащил брюквину. Большинство ребят удирали в город через бельгийские бараки. Я не удирал, ибо я ничего не достану, так как я не способен, а попасться могу. Я удрал с лагеря и пошел на поле собирать бураки. Вдруг полицейай заметил нас, нам пришлось сидеть до тех пор пока не шли ребята штрафники с работы, в полутьме мы втроем пристроились так ловко, что сопливый полицейай и не допер. Весь вечер и ночь сидели ребята у печки и варили бураки. Люди стали хорошими ворами, все были злые и отчаянные. (...)

11 декабря, суббота. (...) Мишка пришел ко мне, много с ним разговаривали, пекли с ним бураки и ели. Перед вечером делал стирку белья (первую стирку в этом лагере.) Вши очень распространились, часто их просто вытаскиваешь сразу по несколько штук, особенно из-под ремня. У Партизана они снуют по одеялке туда и сюда, как муравьи на муравейнике. Над ним шутили. Он чудачком казался. Высокий, костлявый,

длинный нос, точный Челкаш. Ходил в длинном, рваном военном плаще который прикрывал несколько штук банок, которые он цеплял за ремень. В них он наливал всякую баланду, которую недоедали французы там где он работал (в городе). 2 полица и комендант ходили по комнатам, искали полосатика (нашли). (...)

16 декабря, четверг. (...) Прошел слух, что вчера удрало 3 полосатика на самолетах. Они ровняли аэродром и когда полицай куда-то отвернулся, они вскочили в только что заправленный самолет и улетели. По ним даже где-то за городом стреляли. Вот это молодчики и я понимаю. Я думаю, они уже в России. (...)

19 декабря, воскресенье. Сегодня старинный праздник «Николай». У нас он назывался престольным. Как обычно в этот день завтракали очень поздно. Сегодня я отмечаю в тюрьме. Привели нас 5 человек и разместили по камерам. Первый раз в жизни глотаю тюремный воздух, напоминающий что-то загробное. Камера была очень высокая, но узкая. Выше решетки вставлен вентилятор, против выхода тоже. Это сделано для замерзания нашего брата. Было так холодно, что через полчаса приблизительно, я уже не чувствовал ни рук, ни ног, ни спины. Слышно, как в соседней камере кто-то бьется головой о стенку и я тоже по его примеру стал проделывать гимнастику, иногда просто со злом бился, словно думая убиться, чтобы не жить. Впотьмах я спотыкался о какую-то доску, которая лежала на цементном полу. (Это была единственная доска по всем камерам.) Я лег на нее. Сколько я лежал не помню, знаю, что я бредил, одновременно вздрагивая от холода. Мне бредилося, что наша семья уже пообедала и мне оставили блинчики с салом и я быстро их съел.

Ноги окоченели совсем. Я встал и снова за гимнастику. Снимал кандал и разогревал ногу теплым воздухом изо рта. Но и это не помогало. Во рту было холодно. Вентиляторы работали правильно. Мне кажется, что если бы я не был светлый волосами, то они уже бы засветлели. Когда стало совсем видно, я под своей кроватью нашел чьи-то документы и фото. Нашел портсигар итальянский. День прошел мучительно, холодно, так идет и ночь. Вот уже проходит и ночь и полутора суток ничего не было в желудке и холод. Сильное изнеможение, еще одни сутки и настанет смерть. Мне кажется, я и так уже одной ногой стою. Когда-то я слышал, не то читал, что человек вполне может прожить неделю без пищи, для меня, в моих условиях довольно будет еще одних суток, это я

ручаюсь с гарантией. В моих условиях ни один бы революционер в прошлом не объявил бы голодовки (о которых когда-то я читал.) (...)

29 декабря, среда. (...) Во что только может человек превратиться и мне самому кажется, что я не тот Баранов Василий Максимович, которым был много времени назад, а я только теперь «русская свинья» за номером 25795. На груди у меня OST, на фуражке рабочий номер, а собственный номер в кармане, хотя заставляют носить на шее. Весь изнурован. Что такое OST говорят, это «осел советской территории», а свежее будет «остерегайтесь советской твари». Мы еще им докажем, кто мы. Вечером была сирена, хотели бежать к железнодорожному мосту, но заблудились и сидели под дубом по которому шлепали осколки от зениток. (...)

1944

3 января, понедельник. Тревоги ежедневно, но город не бомбят, зато другим городам попадает хорошо. Кто-то принес листовку, которую бросили американцы для немецких рабочих. Все очень довольны, что так часто тревоги. Пусть бомбят все и наш завод. Погода слезная, угрюмая, дует сильный ветер. Сыро, зябко. Продал свою домашнюю фуфайку, с которой жалко расставаться, она у меня отвечала за все и выручала в холоде и постели. Но лучше и мне холод пережить чем голод. За нее я взял 8 марок, т.е. 400 гр. хлеба. Только хлеб не хороший, а наш, лагерный. Работаю снова в ночную смену у того же зверя-мастера. Ночью давали суп у кого есть талон, обычно немцам, французам и бельгийцам, итальянцам давали добавок, но русским ничего и прогонял шеф из кантины. Перед утром пошел в уборную, залез в немецкий кабинет и решил дрыхнуть. Вдруг слышу на меня холодная вода, я испугался, оказывается шеф проверял бездельников русских и итальянцев и выживал водой. Когда я вышел, он меня ударил два раза по шее. Если бы у меня было что-либо в руках я бы дал сдачи, но я был комар по отношению к нему. (...)

7 января, пятница. (...) Сегодня решил на работу не идти. Жрать ужасно хотелось и я пошел в помойную яму и насобирал там брюквенных очисток, а полицейский заметил и хотел меня поймать, потому что не разрешают лазать в помойной яме. Я удрал, прихожу в комнату, ребята просят, я им дал, а Грише сказал, что в яме их много, но только смотри полицейский. Он побежал и не заметил полицейский, который уже следил за уборной, и только Гриша приложился собирать, как полицейский ударил

сзади прикладом и убил насмерть. Я целый день не мог найти себя, ведь через меня его убили, если бы я не пошел, он бы и не знал. Вечером, когда комендант приходил в комнату, мы протестовали, что с нами обращаются хуже чем со скотом. Он что-то бормотал, идиот. Вечером труп куда-то увезли. Я так плакал, что по всему телу пошли синие жилы. В случае скорой победы и я останусь еще жив, то сегодняшний случай послужит еще большей мести этим фашистским извергам. Вечная ненависть им. Этот случай никто не сможет выбить из моей головы, пока она будет цела. (...)

12, 13, 14, 15, 16, 17 января. Трудно описать, что произошло со мной за это время. Дело в том, что я был замешен в саботаже. Поэтому чуть не поплатился жизнью.

Пришлось отлежаться в кранкбараке. Помню, когда я острым концом детали пробил воздушный шланг, кто-то сильно ударил по голове. Бельгиец мне сказал, что благодаря ему меня не судили, что он заступился, сказал, что я нечаянно упал на шланг, хотя фашист определенно знал, что это не случайность. Бельгиец на меня показывает, что если я не переменю своего отношения к работе, то они тебя расстреляют. Об этом они уже поговаривали и перевели меня в красильный цех для последней проверки. Здесь работать очень скверно, еще потому что краски настолько ядовиты, что совсем отравляют ослабший организм. Очевидно здесь я завершаю свой жизненный путь. Картошка оставленная ребятами была взята. Поэтому они помогают мне кто чем. Даже Бутроменко дал грамм 100 хлеба. Но все это плохо способствовало моему выздоровлению. В голове, по-прежнему, шумело, рана гноится, волосы необрезанные, прилипают. Синяки под глазами не проходят. Сегодня 17 января перед обедом я проходил мимо бывшего мастера-фашиста, он затрясся от злости и очевидно от страха я было хотел вцепиться в него, но благоразумная мысль отвела меня, он очевидно понял и сделал быстрый рывок в сторону. Новый мой мастер без конца укоряет меня в неаккуратности, сегодня два раза гонял мыть руки, дескать, детали грязнятся от твоих рук и сказал, что я партизан а также коммунист. (...)

19 января 44 г., среда. Сегодня вместо супа дали пареной картошки с устрицами. Устрицы были сильно соленые, поэтому кое-кто не доедал, мне отдали Партизан и дед. Но усталость, слабость, по-прежнему, даже в животе ничего здорового нет, пить ужасно хочется, в голове туман и сон. Ноги совсем не хотят ходить и сильно болят. Вестей с фронта ника-

ких нет. От русских я как-то оторван, а итальянцы политикой не занимаются. Все это создает еще большее огорчение. Возили тележку в цех к полосатикам, разговаривал с одним ленинградским парнем, он просил меня достать документы любого иностранца и расспросил как найти меня в случае, если очутится он на моей стороне. Мы условились. Все время нахожусь под впечатлением встречи с полосатиком. Конец работы в 7 ч. утра. (...)

21 января 44 г., пятница. Сегодня работали втроем, так как одного макаронника не было. Мастер справлялся, но ему ответили, что он арестован. Очевидно за то, что он ходил к одной немке, об этом якобы узнали немцы соседи и поэтому итальянца теперь повесят. Вообще итальянцы живут почти на положении русских, только им Красный крест помогает свой и американский. Мы же русские, как отверженцы, никому не нужны, хотя нас здесь миллионы. Русских в Германии больше чем другой нации. Вот наш лагерь считается штрафной, 3 тысячи человек. Когда как других 200 человек бельгийцев и французов. Мы огорожены проволокой в 100 рядов, а они ходят себе без «провожатого». Но зато и русских мрет каждый день десятки и все от голода.

Русские выносливый народ, это не отвергнет никто. Но вынести такую кару надо чем-то питаться. По картошку не пойдешь, бурты забрали да и караул усилили. Вчера и сегодня совсем нечего есть. Новостей с фронта нет.